

ТЕАТР СЫГРАННЫХ РОЛЕЙ

В Москве есть театр Ефремова, театр Табаки, театр Марка Захарова, Московский, Спасский... Ни один из этих имен не равнозначен беспорочному успеху каждой премьеры, не равнозначен даже правдивости и подлинности пути в призраках этого успеха. Ни в театральном динамизме со свойственными любому творчеству завоеваниями и славдами. Но тем не менее именно об их театре вполне можно сказать, перефразируя поэта: театр в России больше, чем театр. И, быть может, не такой парадоксальной окажется мысль, высказанная Виктором Гуляченко, о том, что СССР развалили Олег Николаевич Ефремов и Татьяна Васильевна Доронина. МХАТ, Ермоловский, Таганка... Задали тон театры — настолько они велики.

И здесь разговор о театральной жизни не только как художественной, но и общественной, о том, что выходит за рамки разговора о сыгранных спектаклях. Речь о спектаклях и внутритеатральной жизни в контексте самой жизни, о формировании духовного микроклимата, в котором мы живем...

В Липецке есть театр Пахомова. И для этого города он больше, чем просто городской драмтеатр. Выросшим на месте давно разрушенного храма, на одной из центральных площадей города — Театральной. Так что теперь многие улицы города ведут к Театру. Беспорочный главный деятель в этом театре — его художественный руководитель и директор Владимир Михайлович Пахомов, энергичный и страстный, талантливый и научный человек, преданный друзьям, предприимчивый и бескомпромиссный в своем деле. Приехавший в Липецк — город металлургии, нетеатральной город, и подманивший его себя: на его премьеры анализ. Он приучил к театру, воспитал и вырастил целое поколение зрителей, заставляя смотреть и слушать классику. Он «аванс» «Чайку» и «Дядю Ваню», «Июнь труп», опять возвращаясь к Чехову — «Вишневый сад», потом Островский — «Без вины виноватые»... Он стал возводить актеров в Янскую Полину и играть там сцены из спектакля, заставляя являться в подлинную обстановку дома, запоминать, впитывать, а потом из этого мира возвращаясь и играть на липецкой сцене тот же спектакль, но уже по-другому.

Особым притяжением для театра стал Антон Павлович Чехов. Пахомов в 1982 году отважился на эксперимент — сыграл «Чайку» там, где она была написана, — в Мелихово. И с тех пор каждый год, а мае, когда цветет сирень, в мелиховой усадьбе играется новый спектакль. В Ялта и Таганроге, дома-музеях А. П. Чехова, среди близких друзей такая называют липецкий театр. На липецкой набережной можно было встретить прогуливающуюся там «Даму с собачкой» (О. Очичникова), а в ялтинском доме писателя услышать разговор Ольги Леонардовны (С. Погорельца) и Антона Павловича (М. Янко)...

Но для театра, для города важно не только самим видеть, но и гордиться принимать, нужно, чтобы приехали знаменитости. Представьте, как в фойе московского театра замечательная Бельмиц, Мастеровичи или Вероль Миннелли. Такое же, вероятно, чувство вызывает у провинциального зрителя встреча в «доме зале» с Ульяновым или Ефремовым.

В прошлом году на «Липецких театральных встречах» естественным генералом был Михаил Ульянов, и у него брали автографы, в этом году на программах регистрировались Евгений Сталбон и Наталья Шахова. На следующий год автографы будут юбилярыми — театральные встречи пройдут в десятый раз. Знаменитости обязательно будут. Не будет среди них только Владимира Яковлевича Лакшина.

Лакшин занимал в жизни этого театра особое место. Пахомов, открывая «Липецкие театральные встречи», вспоминает слова Чехова, услышанные им от Лакшина: что будет с нами, с литературой, с Россией, если вдруг умрет Лев Толстой? Если это произойдет, то образуется огромная черная дыра. Огромное пустое пространство, потому что, пока жив Толстой, существует высочайший уровень культуры. «И для меня», — скажет Пахомов, — со смертью Владимира Яковлевича образовалась огромная черная дыра. Он был Дон Кихотом русской культуры...

Лакшин любил театр требовательной любовью, приходя в Липецк, как приезжает режиссер, и хвалить и ругать. Почему статья называется «Театр сыгранных ролей»? В этом театре, как в маленьком зеркале, отразились многие проблемы, свойственные и столичным театрам, издательствам, журналам. В прошлом у них — замешанное честное имя. Сейчас на всех обрушился хаос смены эпох. И как его преодолеть достойно? Кто знает? И Липецкий, похоже, на переломе, хотя внешне все выглядит достаточно благополучно. Финансовый кризис ударяет по всем, и если денежную инфляцию здесь все же удается переломить с помощью влиятельных спонсоров, ли, СТД, собственными силами, то что делать с прорывающимся кризисом в искусстве, опять же не только Липецка касается, всех. Через несколько лет в театр придет (или не придет вовсе) уже совсем другой зритель — уже изменились его энергетика, внутренний ритм. Другая точка пойдет из зрительского зала. И какой он, театр сыгранных ролей, театр в будущем, сказать сложно. Театр на переломе, Пахомов, это открыл давно — художник интуиция, и не может не чувствовать, не ощущать всего этого. Вероятно, оттого и выпускает в свой спектакль комедию Островского «Таланты и поклонники» горечь и грусть, жесткость сегодняшнего дня. Но последние, к сожалению, пробуксовывают внутренне, что-то мешая свободной речи. (Сказалось и неудачное оформление, характерное почти для всех последних работ).

И все же Пахомов ищет новые для своего театра пути-возможности, что заметно и в других премьерях, — водевиля Д. Ленского «Лев Гурыч Синичкин» (режиссер Я. Лишицкий) и инсценировка А. П. Чехова «Пестрые рассказы» (постановка В. Пахомова, режиссер Н. Чебыкин). Но если спектакли последних нескольких лет воспринимались достаточно единодушно — с благодарностью и мелкими милыми любому режиссерскому сердцу чувствами со стороны зрителей и критики, то эти три премьеры встретил неожиданный разрыв мостов: от традиционного приятия до неприятия. Но как ни странно, этот мятный впечатлений — смысллом живого театра. Театр не умер, он по-прежнему переживает кризис. А кризис переживают так или иначе все. «Такое время на дворе». А театр — состояние души.

Что же касается Липецка, там на этот случай опять же вспоминали Чехова: «Надо дело делать, господа...». И как знать, кто первым справится с этим хаосом, — столичный ли театр или провинциальный? У липецкого театра есть потенциал — актеры. Режиссер любит своих актеров. И когда кто-то исчезает со сцены в силу разных причин, его место остается занятым. Так, в этом году на сцене не хазело В. Бражкин, хорошей характерной актрисы, и конечно, замечательной Ю. Ганиной. Истает, вот еще почему статья так называется. Многие актеры уже сыграли свои роли так, что теперь говорят о К. Шолоховой — Марчукиной, Арише Галчице; С. Погорельца — Софье Андреевне, Рязанской, Кручинной; М. Янко — Тригорине, даде Вена,

Лопазине; В. Пономареве — Шамаге, Льве Гурыче; Ю. Ильичеву — Гавее; О. Очичниковой — Варь; В. Абраменко — Пете Трофимове... Все эти талантливые актеры не назвать.

Мир театра, как, пожалуй, никакой другой, публичен. Успех, цветы, аплодисменты — при публике, провал — мертвая пауза, резкий свист или того хуже — отсутствие зрителя. У художника, даже при жизни в нищете, останутся картины, покупаемые и перепродаваемые потом за валюту. У писателя останется рукопись в столе ждать удачного расположения звезд. Актерам и режиссеру нужен звездный час в день премьеры. А уже сыгранный спектакль обретает легендами об актрисе такой-то и актере таком-то. И этот миф, творимый всем театральным миром, войдет в театральную летопись. А время разсудит, и если потоки не забудут, кто-то когда-нибудь извлечет из святы Божий колоритный рассказ об антрепренере, благословившем на дебют великую актрису...

«Русская антреприза XIX века» — так была обозначена тема научно-практической конференции, по форме своей все же больше напоминавшей свободный семинар. В нем, собственно, был свой плюсы-минусы.

Не было искусственного наукообразия, толстого и бесплодного. Нестрогая научность доклада чеховской комиссии, а порой и артистичности, как у Е. Сахаровой, дополнялись поведенческим мимикризмом В. Гуляченко, его способность думать поперек, парадоксально, однако самое неожиданное сцепление «Чехов и Эйнштейн» осталось за рамками регламента... Но жалко, что оказался никому не нужным разговор о только что увидевших спектаклях театра. Раньше это было полезным обобщением, но режиссер, вспоминая Эфросе, решительно ушел от разговоров, чтобы давление не засиделось столбом предыдущего состояния. В этом случае критик воспринимался как санитар леса. Что же, может быть, критики и поэмы в такой репутации.

И все же почему так охотно едут в Липецк, решительно оставляя все дела-проблемы на Павловском вокзале. Еду в город, включающий в себя и другую, — горшечный металл, дымящее железо, но с целебной минеральной водой — знаменитой Липецкой. А когда не дуает ветер с комбината и не повисает тяжелый смог над городом, то чистым воздухом. Так и для многих театр — своего рода оазис. Фестиваль — это работа и отдых, встреча, знакомство... И главное в липецких встречах — люди, которых для себя открываешь. В этом году таким открытием стал Евгений Сталбон. А еще — шлопта И. М. Терханова-Москвина посылается, вдумно, в театре надолго — там он показал великое мхатовское искусство, содеяно времена. Соединил по-новому времена и липецкий ныне актер, приезжавший из Риги, Михаил Ильич, поведал историю о своем отце, но все это — там для отдельных разговоров. Как и тема сорванности чеховской могилы, как и уникальное издание — дневник отца Чехова, — подготовленное и печатное чеховцами.

Прежде традиционно другое извращение повелде давали маленькие путешественники — в Ельце, Задонск, и их удивительными храмами, другим течением жизни, маленьким и потрясающим Музеем И. А. Бункина. В этом году мы проехали мимо храма в Ельце, попла в роскошный обед к местному купцу. И вот это осталось — мило.

Было еще одно удивительное открытие на этот раз — настоящий русский художник Виктор Сорокин. Но здесь только упомянуть, чтобы запомнить имя.

А дом Мастера, теперь есть такой музей в Липецке, выставку там самым вулком.

Надежда ПАБАУСКАЯ.